

91

11 34

P.172853

P172853

ИЗВѢСТІЯ

ВОЛОГДСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ
СЪВЕРНАГО КРАЯ.

Выпускъ IV.

ВОЛОГДА.

Графія Союза Кооперативовъ Съвернаго Края.

1917.

Вып. 4

Страна дальняго сѣвера*).

Печера, Зыряне и Устьсысольскій уѣздъ.

Екатерининское водяное сообщеніе существовало весьма непродолжительное время; оно заброшено было прежде, нежели успѣло достигнуть до конца въ своемъ сооруженіи. Съ устройствомъ верфи и порта въ Архангельскѣ, послужившимъ причиною развитія торговыхъ и промышленныхъ сношеній на сѣверѣ Россіи, стала чувствоваться потребность въ соединеніи рѣки Волги съ водами С. Двины. Пермской и Вологодской генераль-губернаторъ Мельгуновъ первый прозектировалъ такое соединеніе посредствомъ прорытія канала между С. и Ю. Кельтмами: первая впадаетъ въ Вычегду, многоводной притокъ С. Двины, послѣдняя—въ Каму, притокъ Волги. Повелѣніемъ Екатерины II въ 1781 г. снаряжена была особая комиссія для рассмотрѣнія и провѣрки прозкта Мельгунова; а въ 1788 г. приступлено было къ работамъ по прорытію канала, производившимся съ значительными перерывами, такъ что только въ 1822 году каналъ былъ открытъ для судоходства, и по волѣ Императора Александра I-го названъ Сѣверо-Екатерининскимъ каналомъ. Онъ стоитъ Правительству около 1.035.000 монетою того времени.

Такимъ образомъ, бассейнъ Волги соединенъ былъ съ бассейномъ С. Двины, а черезъ эту послѣднюю и съ Архангельскимъ портомъ. Но это соединеніе не достигло вполнѣ своей цѣли: каналъ, сооруженный съ крупными ошибками въ техническомъ отношеніи, мѣстами неоконченный, представлялъ чрезвычайно длинный путь, направленный въ верховьяхъ по мѣстностямъ почти необитаемымъ и по рѣкамъ мелководнымъ, крайне затрудняющимъ судоходство.

Вычегда, мѣняющая ежегодно свой фарватеръ вслѣдствіе переносныхъ есковъ, оказалась совершенно неудобною для прохода судовъ въ меженное время даже съ посредственною осадкою. Что мѣстность и рѣки для общенія выбраны неудачно, это сознавали тогда же, въ самомъ началѣ аботъ по устройству Екатеринбургскаго канала. Въ силу этого сознанія въ 1798 г. гр. Сиверсъ, директоръ водяной комуникаціи, распорядился произвести, для болѣе удобнаго и кратчайшаго пути въ соединеніи бассейновъ Волги и С. Двины, изысканіе между Кубенскимъ озеромъ и Шексною. Глубокая долина, по которой извивается р. Порозовица, впадающая въ Кубен-

*) Изъ ненапечатанныхъ до сихъ поръ рукописей покойнаго этнографа, относящихся ко второй половинѣ 80-хъ годовъ прошл. столѣт.

ское озеро, и почти непрерывный рядъ мелкихъ озеръ, лежащихъ отъ истока Порозовицы по направленію къ г. Кириллову, навели гр. Сиверса на мысль о возможности воспользоваться этими естественными водохранилищами. Изысканіе поручено было практическому землемѣру Горскому, который выполнилъ его старательно, найдя полную возможность искусственно соединить по этой мѣстности р. Шексну съ Кубенскимъ озеромъ, а черезъ нихъ и Волгу съ С. Двиной. Но выполнение по этому изысканію отложено было въ длинный ящикъ и, можетъ быть, еще долгое бы время сооруженіе сообщенія оставалось въ проектахъ и предначертаніяхъ, если-бъ не слѣдующій любопытный фактъ, послужившій побудительною причиною его устройства.

Въ 1818 году изъ южныхъ губерній Россіи понадобилось доставить къ Архангельскому порту для кораблестроенія 86.268 пуд. дуба. До Устья-Угольскаго, селенія на берегу Шексны, находящагося въ 280 верстахъ отъ ея устья, или Рыбинска, дубъ дошелъ на судахъ и зазимоваль. Отсюда на протяженіи 70 верстъ дубовые кряжи перетащены были гужемъ по лѣснымъ проселочнымъ дорогамъ въ верховья Вологды, по которой съ открытіемъ весеннихъ водъ и сплавлены были къ Архангельскому адмиралтейству въ нарочно построенныхъ баркахъ. По р. Вологдѣ, выше губернскаго города, въ то время много было водяныхъ мельницъ, такъ что для прохода дуба потребовалось разбирать до подошвы семь мельничныхъ плотинъ. Такимъ образомъ, доставка этой партіи дуба была выполнена съ величайшими затрудненіями, а при переправахъ черезъ нѣкоторыя плотины даже съ явную опасностію для судорабочихъ. Дубъ прибылъ въ Архангельскъ только на другой годъ и обошелся Правительству чрезвычайно дорого.

Впереди же предстояла постоянная потребность въ этомъ матеріалѣ; кромѣ того съ Волги доставлялись въ Архангельскъ металлическіе предметы для кораблей, какъ-то: желѣзо, чугунъ для балласта, мѣдь и проч. Тогда то и вспомнили объ изысканіи землемѣра Горскаго, и въ 1823 году назначенъ былъ инж. Каулингъ для провѣрки этого изысканія, по которому въ 1824 году Начальникъ 2-го округа путей сообщенія Чернобровкинъ составилъ уже окончательный проектъ соединенія р. Шексны съ С.-Двинскими водами. Проектъ Чернобровкина представленъ былъ Главноуправляющему путями сообщенія Герцогу Александру Виртембергскому и, по рассмотрѣніи послѣднимъ, доложенъ въ томъ же 1824 году Государю Александру Павловичу и имъ утвержденъ. Къ работамъ по проведенію системы и устройству канализаціи было приступлено немедленно, такъ что въ 1828 г. сообщеніе открыто для судоходства и сооруженіе названо каналомъ Герцога Александра Виртембергскаго. Съ устройствомъ болѣе удобнаго и кратчайшаго водяного пути съ Волги на С. Двину ослабъ надзоръ за С.-Екатерининскимъ каналомъ, такъ что въ 1832 году нѣкоторыя шлюзы этой системы разрушились и стража съ нихъ была снята. Окончательно Екатерининскій каналъ сдѣлался непригоднымъ для прохода большихъ судовъ въ 1837 году и былъ изъятъ изъ Управленія водяной администраціи, которая по распоряженію свыше предоставила Екатерининское сообщеніе на волю Божію и безпре-

пятственное распоряженіе силъ природы, подъ вліяніемъ которыхъ, безъ технической поддержки, очертанія береговъ у канала скоро потеряли свою искусственную форму; они сами собою обвалились и каналъ, проведенный по губчатому торфянику, заплылъ и съузился до степени потока, густо заросшаго ракитникомъ и березами, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплелись вершинами и образовали почти непроницаемый для свѣта зеленый сводъ надъ водою канала, едва сочившагося тихимъ теченіемъ по направленію къ С. Кельтмѣ. Теперь по побережью канала, гдѣ прежде проведены были бечевники для тяги судовъ, растеть превосходная, необыкновенно крупная смородина, а на болотистыхъ его водахъ воспитываются выводки утокъ.

Не смотря на такое печальное состояніе заброшеннаго пути, онъ и до сихъ поръ оказываетъ населенію Устьсысольскаго у. громадную услугу. Зыряне изъ Вычегодскихъ волостей ежегодно проходятъ по немъ на легкихъ лодочкахъ въ горные заводы Пермской губ. на заработки преимущественно для пилки дровъ въ количествѣ отъ 2500 до 3000 чч. Ближайшіе заводы къ Вычегодскому населенію въ 700 верстахъ—Усольскіе гр. Строганова, въ Соликамскомъ у., отдаленныя—1200 верстъ—Богословскіе наслѣдниковъ Башмакова въ Верхотурскомъ у. Передвиженіе рабочихъ по каналу совершается преимущественно осенью, съ десятыхъ чиселъ сентября, послѣ окончанія полевыхъ работъ. Для дальняго пути въ защиту отъ дождя устраиваются на лодкахъ накладушки, вродѣ низенькихъ кибиточекъ, изъ берестяной коры. Въ лодку помѣщается по 3—4 чел.; харчей для продовольствія въ дорогѣ берутъ съ собою на каждого—сухарей по одному пуду, ячной крупы до 25 ф., ячной муки для каши по 20 ф., мяса по 10 ф., соли по 5 ф. Вверхъ по Вычегдѣ поднимаются зыряне на снаряженныхъ такимъ образомъ лодкахъ верстъ около 170-ти, ловко и неутомимо дѣйствуя веслами не греблей, а *пѣломъ*, упираясь въ берегъ, если плынуть по глубокому мѣсту, около обрыва, и въ дно рѣки по песчанымъ отмелямъ. Остановки для ночлега и отдыха дѣлають на берегахъ, пріютившись подъ навѣсомъ берегового угора, или подъ вѣтвями густой ели, у огня, на которомъ готовятъ для себя *варку*. Болѣе 35 вер. въ сутки противъ теченія, весьма быстро въ Вычегдѣ. проѣхать невозможно. Такимъ образомъ, для слѣдованія по Вычегдѣ, примѣрно изъ Корткеровской и Небдинской вол., откуда идетъ на заводы самое большое количество рабочихъ, требуется времени отъ 5½ до 6 сутокъ. Затѣмъ отъ Керчемскаго лодки слѣдуютъ вверхъ по С. или Вычегодской *Кельтмѣ* на протяженіи 125 в. до Екатерининскаго канала, на что нужно до 4 дней. Для проѣзда каналомъ, имѣющимъ протяженія только 17 в., тратится времени не менѣе сутокъ, т. к. на немъ часто встрѣчаются мели и заломы, т. е. наносный хламъ, дрязгъ и свалившійся съ береговъ сушникъ, черезъ который приходится перетаскивать лодки. Затѣмъ изъ канала входятъ въ извилистую рѣчку Джуричь, ею слѣдуютъ 35 в. около сутокъ; потомъ попадаютъ въ рѣку Ю. или Камскую Кельтму и внизъ по ея теченію на протяженіи 175 в. доходятъ въ продолженіи семи сутокъ до солевареннаго Усольскаго завода. Въ этомъ

пунктъ зыряне оставляють свои лодки подь охрану мѣстныхъ жителей, и тѣ изъ рабочихъ, которые держатъ путь на отдаленные заводы Пермской г., идутъ уже отъ Усоляя пѣшкомъ, съ котомками на плечахъ.

Такимъ образомъ, для прибытія въ ближайшіе Усольскіе заводы зыряне тратятъ времени около $2\frac{1}{2}$ недѣль; до отдаленныхъ же Богословскихъ и Бисерскихъ—не менѣе мѣсяца при благопріятной погодѣ. Но въ осеннее время въ нашемъ суровомъ краѣ благопріятная погода выдается въ рѣдкіе годы. Обыкновенно во 2-й половинѣ сентября и въ началѣ октября господствуютъ здѣсь упорные с.-в. вѣтры, со снѣгомъ и слякотью, что крайне затрудняетъ путь рабочихъ, замедляя переѣзды.

Нерѣдко бываетъ, что зыряне, добравшись до канала, должны прекратить дальнѣйшее слѣдованіе на лодкахъ по причинѣ заморозковъ, отъ которыхъ рѣки въ тихихъ плесахъ и каналъ покрываются льдомъ, преграждающимъ возможность плаванія. Въ такомъ разѣ зыряне тамъ, гдѣ ихъ застигли заморозки, вытащивъ лодки на берегъ, прячуть ихъ въ кусты, подь прикрытіе хвойныхъ вѣтвей, оставляя на произволъ судьбы, авось уцѣлѣють до будущей весны, когда нѣкоторымъ изъ рабочихъ случится, можетъ быть, возвратиться къ домамъ этимъ же путемъ и тогда будетъ возможно прихватить лодки съ собою. Но эта возможность весьма часто не оправдывается, и лодки, стоящія недорого, отъ 3 до 4 руб., большею частью такъ и остаются спрятанными навсегда подь прикрытіемъ, гдѣ они разсохнутся, дадутъ трещины и вообще придуть въ состояніе негодности для употребленія, или останутся тамъ потому, что хозяева ихъ возвратятся на родину по зимѣ уже другою дорогою.

При подобныхъ препятствіяхъ, когда является необходимость перемѣнить водяной путь на пѣшій, затрудняетъ рабочихъ излишекъ провизіи, которую не подь силу бываетъ тащить на плечахъ. Но въ вершинахъ Сѣверной Кельтмы и въ окрестностяхъ канала, каждую осень лѣсуютъ промышленники за бѣлкой и рябчиками; съ ними рабочіе вступаютъ въ сдѣлки, освобождая себя отъ излишней обузы взятыхъ съ собою сѣстныхъ продуктовъ.

Случается и такъ, что промышленниковъ не найдется около тѣхъ мѣстъ, гдѣ пресѣчется рабочимъ путешествіе водою, то дѣлать нечего, излишекъ провизіи бросаютъ они напроизволъ судьбы, взявъ съ собою только такое ея количество, какое смогутъ тащить пѣшкомъ. Вставши съ лодки на ноги, уже рабочіе идутъ на заводы по прямой линіи черезъ глухіе лѣса. Окрестности канала, верховья обѣихъ Кельтмъ и рѣчки Джуридыя, представляютъ глубокую низину, состоящую изъ топкихъ болотъ, раскинувшихся на обширныя пространства—и миновать ихъ невозможно. Рабочимъ приходится переходить болота въ такое время, когда они еще не промерзли, а только немного застыли съ поверхности, ноги вязнутъ въ липкую грязь до колѣнъ, но часто случается провалиться въ нее и по поясъ, при чемъ грязь стынетъ на холоду и замерзаетъ на ногахъ и одеждѣ комьями; застываетъ при этомъ колобомъ и смоченная на рабочихъ одежда. Такой пере-

ходъ тянется версть на 40. Нѣкоторые не выдерживаютъ труднаго перехода и заболѣваютъ; тогда товарищи укладываютъ больныхъ на носилки, наскоро связанные изъ хвойныхъ вѣтвей, и тащутъ ихъ общими силами черезъ топкія грязи.

Съ открытіемъ шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала появилась въ потокахъ Вычегды, а потомъ и въ р. р. С.-Двинскаго бассейна благородная стерлядь. Она пришла сюда черезъ каналъ изъ Камы, въ концѣ тридцатыхъ годовъ; изъ Вычегды спустилась въ Двину и поднялась въ Сысолу, Сухону, Югъ и Лузу. Въ этихъ рѣкахъ, и въ особенности въ Вычегдѣ, она нашла для себя соотвѣтствующія условія для обитанія и размножилась въ громадномъ количествѣ. Её никто здѣсь не тревожилъ и не существовало тогда даже снастей для ея ловли. Изрѣдка попадала стерлядь въ невода, но её, какъ негодную рыбу, никогда невиданную, выбрасывали вонъ, называя водяною змѣю. Въ 1837 году мѣстные рыбаки начали употреблять на подольникахъ вмѣсто крючковъ изъ проволоки, крючки изъ швальныхъ иголь своей работы, найдя ихъ болѣе острыми и упругими. Подольники въ обширномъ распространеніи между здѣшними рыболовами; рѣдкій зырянинъ не ловить ими рыбу. Это самая простая рыболовная снасть, вродѣ перемета. Она состоитъ изъ тонкой бичевки, на которую навязаны съ крючками, на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга десяти вершковыя поводки, или *плиски*, ссученныя изъ 10—12 конскихъ волосъ. На каждомъ подольникѣ 40—50 крючковъ. Къ одному концу подольника привязывается камень, къ другому—поплавъ. Снасть эта бросается вдоль рѣки; наживкою служитъ обыкновенный красный земляной червь среднихъ размѣровъ.

На острые крючки изъ швальныхъ иголь, введенныя зырянами вмѣсто проволочныхъ тупыхъ и запестованныхъ, съ перваго же раза стала попадать стерлядь на подольники. Но рыбаки все не признавали ее за рыбу и, боясь взять въ руки, сшибали съ крючковъ и преспокойно опускали въ воду, на вольное житье. Наконецъ, стерлядь въ верховьяхъ Вычегды начала попадаться на подольники очень часто и очень крупная. Кто-то изъ городскихъ жителей, можетъ быть, становой, а можетъ—и исправникъ, или чиновникъ какой, былъ случайнымъ свидѣтелемъ пойманной въ верховьяхъ Вычегды стерляди и объяснилъ рыбакамъ, что это рыба хорошая и дорогая, и что въ городѣ ее будутъ покупать съ охотою. Такимъ образомъ, первое распространеніе черезъ продажу стерлядь, словленная въ Вычегдѣ, имѣла въ г. Устьсысольскѣ, гдѣ сперва и сбывалась за чрезвычайно дешевую цѣну, не дороже $1\frac{1}{2}$ —2 коп. за фунтъ. Въ 1840 году здѣшній городской обыватель Н. А. Поповъ, самъ рыбакъ и охотникъ, освѣдомившись о необыкновенномъ обиліи стерляди въ Вычегдѣ и затѣмъ въ Сысолѣ, первый привезъ изъ Вятки три конца самолововъ, каждый по 150 крючковъ. Только на другой годъ онъ произвелъ опыты рыбной ловли въ Вычегдѣ этою снастью и съ перваго же раза получились баснословныя уловы: по тридцати, по соко-року стерлядей снималъ онъ съ конца, большею частью крупныхъ экземпляровъ, отъ 10—15 ф. и болѣе, и даже выпадали такіе случаи, что въ двое,

трое суток приваживаль онъ съ ловли самоловами по 40 и 50 пудовъ стерляди. По причинѣ такихъ необыкновенно добычливыхъ результатовъ, ловля самоловами быстро перенята была другими рыбаками и распространилась по р.р. Вычегдѣ и Сысолѣ. Стерлядь начали ловить, сбывать въ городѣ, гдѣ скупщики садили ее въ садки и съ наступленіемъ заморозковъ и зимнихъ холодовъ—морозили и гужемъ доставляли мороженую въ Петербургъ. Сбытъ въ такомъ видѣ стерляди производили около десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ рыба эта не возвышалась въ цѣнѣ болѣе 3—4 коп. за ф. Наконецъ, въ 1850 г., С.-Петербургскій рыботорговецъ Каменскій, скупавшій вычегодскую мороженую стерлядь, пріѣхаль въ Устьсысольскъ, построилъ живорыбное судно и первый доставилъ отсюда въ живомъ видѣ стерлядь черезъ Виртембергскую и Маріинскую систему въ Петербургъ. Въ живорыбномъ суднѣ Каменскаго было всего 40 п. Вся она дошла до Петербурга благополучно. На другой годъ, а именно въ 1851 г., Н. А. Поповъ самъ снарядилъ живорыбную, но въ Петербургъ стерлядей не довелъ, по случаю раннихъ заморозковъ, заковавшихъ водяные пути въ началѣ октября, такъ что первая попытка его была неудачной и онъ едва вывернулся изъ убытковъ; но затѣмъ въ слѣдующіе годы доставка въ Петербургъ стерлядей въ прорѣзныхъ живорыбныхъ судахъ совершалась съ значительнымъ барышомъ. Выгодная торговая операція вызвала подражателей, явилась въ этомъ дѣлѣ конкуренція, и цѣнность на стерлядь начала быстро возвышаться. Уже въ 1858 году ее скупали здѣсь по 15—20 коп. Черезъ десять лѣтъ (1866 г.) она дошла до 40 коп. за фунтъ; теперь же хорошую крупную стерлядь для живорыбныхъ покупаютъ отъ 1 руб. до 1 руб. 25 коп. за фунтъ.

По случаю громаднаго требованія на стерлядь и связаннаго съ этимъ возвышенія на нее цѣны, все прибрежное населеніе по рѣкамъ Вычегды и Сысолы съ такимъ усердіемъ приступили къ ловлѣ стерлядей самоловами, что въ послѣднее время запасъ ея уменьшился до чрезвычайности. На десять концовъ во все лѣто попадаетъ ее теперь столько, сколько прежде попадало на одинъ конецъ въ одну ночь. Многие, утомленные неудачами, уже совсѣмъ бросили ловлю самоловами. Не менѣе замѣтно уменьшеніе въ здѣшнихъ рѣкахъ и другихъ породъ рыбъ, количество которыхъ вообще оскудѣваетъ здѣсь вслѣдствіе хищническихъ приемовъ ловли, какъ и количество дичи и пушнаго звѣря.

Въ семидесятыхъ годахъ изъ водъ С.-Двинскаго бассейна ежегодно доставлялось въ Петербургъ до 20-ти живорыбныхъ прорѣзныхъ судовъ со стерлядью. Въ каждую прорѣзную входило среднимъ числомъ до 32 пуд. слѣдовательно, ежегодная партія была въ тѣ годы въ 640 пуд., приблизительно на 50 т. руб. серебр. Не вся стерлядь въ этомъ общемъ количествѣ шла съ Вычегды и Сысолы, но болѣе половины ея доставлялось съ Двины, Юга, Лузы и Сухоны, гдѣ тоже распространенъ между рыбаками способъ ловли самоловами.

Въ каждой живорыбной прорѣзной лодкѣ семь камеръ, по числу которыхъ стерлядь распределяется на семь сортовъ по величинѣ: въ 1-ю камеру садится рыба отъ $1\frac{1}{2}$ фун. до 2-хъ, во 2-ю—отъ 2 до 3-хъ, въ 3-ю—отъ 3— $3\frac{1}{2}$, въ 4-ю—отъ $3\frac{1}{2}$ —4, въ 5-ю—отъ 4—6, въ 6-ю отъ 6—10, въ 7-ю—отъ 10—20 фун. и болѣе. Попадались здѣсь экземпляры въ 32 и 35 ф., которые тоже садились въ 7-е отдѣленіе. Крупную и мелкую стерлядь вмѣстѣ садить нельзя: мелкая, какъ болѣе вертлявзя на ходу, подрѣзываетъ крупную, отчего брюшко подрѣзанной стерляди краснѣетъ и она скоро засыпаетъ. Вмѣстѣ со стерлядьми, въ каждое отдѣленіе живорыбнаго судна садится нѣсколько налимовъ: они прочищаютъ дно въ суднѣ и обладая обильнымъ количествомъ накожной слизи, предохраняютъ стерлядей отъ ушибовъ о стѣнки камеръ и отъ порѣзовъ одной объ другую о хребтовые жучки.

Поставщики стерляди продаютъ ее въ Петербургѣ оптомъ, т. е. не на сорта, а цѣлымъ судномъ, всю партію, какая въ немъ находится. На каждой камерѣ прорѣзнаго судна положены нарѣзки, обозначающія количество стерлядей; по этимъ нарѣзкамъ Петербургскіе рыборотковцы производятъ пріемъ купленной стерляжьей партіи. Сдача рыбы бываетъ на Невѣ, у малаго Охтенскаго перевоза. Послѣ состоявшейся сдѣлки живорыбнаго суда заводятся въ Фонтанку и стерлядь пересаживается въ постоянные садки рыборотковцевъ.

Въ настоящее время, съ значительнымъ уменьшеніемъ стерляди въ рѣкахъ, уменьшилось и количество прорѣзныхъ живорыбныхъ судовъ. Въ послѣдніе годы ихъ изъ рр. С.-Двинскаго бассейна идетъ въ Петербургъ менѣе десяти ежегодно. Стерлядь не вся переноситъ перевозку: тяжело пораненная самоловами и подбившаяся—засыпаетъ, такъ что изъ общей партіи ея погибаетъ не менѣе 20⁰/₀. Особенно рыба эта съ трудомъ переноситъ тихія воды Виртембергской системы, въ которой озеро Кишемское и Зауломское, грязныя и тинистыя, съ вонючею водою, губительно на нее дѣйствуютъ. Поставщики стерлядей стараются эти озера пройти возможно быстрымъ ходомъ. Начиная съ Шекснинскихъ водъ убыли стерлядей въ живорыбныхъ лодкахъ никогда не бываетъ.

Исторію существованія стерлядей въ Вычегодскихъ водахъ я рассказалъ здѣсь потому, что Екатерининскій каналъ былъ единственнымъ виновникомъ ихъ появленія, и что стерляжьій промыселъ еще въ недавнее время считался однимъ изъ выгоднѣйшихъ для рыбаковъ зырянскаго края, и торговля стерлядьми восходила до значительныхъ оборотовъ. Ни то, ни другое не было никѣмъ описано; между прочимъ Петербургъ, ублажая свое чрево, истребляетъ стерляди громадное количество, не щадя своего кармана и, въ то же время, мало имѣя понятія, гдѣ и какъ она добывается и какимъ путемъ при какихъ приспособленіяхъ доставляются въ столицу въ живомъ видѣ.

По Устьсысольскому уѣзду считается слишкомъ 16 милліоновъ десятинъ лѣсовъ. Эта громадная масса поражаетъ воображеніе, поселяя въ немъ

понятіе о непроходимости лѣсныхъ трущобъ, о могучести дремомъ- дремлющихъ боровъ и густыхъ рошей, съ гигантскими деревьями. Дѣйствительно, взобравшись на какой-либо пригсрокъ, на высокой холмъ, господствующій надъ окрестностями, посмотришь кругомъ—вездѣ все лѣсъ и тянется онъ во всѣ стороны безконечнымъ чернымъ моремъ, сливаясь вдали съ линіею горизонта. Но если-бъ возможно было, поднявшись на высоту птичьяго полета, обозрѣть вдругъ шестнадцати миллионную площадь этихъ лѣсовъ, какъ бы мы глубоко разочаровались въ ея обаяніи. Мы бы увидѣли поражающую картину опустошенія всѣхъ этихъ пресловутыхъ гигантскихъ лѣсо-насажденій. Намъ представилась бы слѣдующая картина: По обширнѣйшей площади уѣзда извиваются двѣ большія рѣки: на с.-в. Печера, на ю.-з.— Вычегда. Въ нихъ впадаютъ множество большихъ и малыхъ притоковъ; по рѣкамъ—то группами, то одиночками раскинуты селенія; около селеній по берегамъ, мысамъ и низинамъ рѣкъ—разстилаются небольшими каймами луга; особенно изобилуютъ они по Вычегдѣ: не даромъ она называется по зырянски Эжва, т. е. луговая рѣка. На поемныхъ лугахъ, мысахъ и низинахъ сверкаютъ повсюду серебряные щиты озеръ—большихъ и малыхъ, то круглыхъ, какъ и подобаеть озеру, то узкихъ и длинныхъ, съ правильными очертаніями береговъ какъ рѣки, которыя, измѣняя теченія, были причиною ихъ образованія. Затѣмъ безконечныя дали лѣсовъ. Но что это за лѣса: сердце сжимается тоскою, глядя на ихъ жалкое состояніе. Это въ сущности не лѣса, а лѣсные пустыри, порождающіе громадными пространствами гарей; на сотни верстъ простираются эти выжженные мѣста, захламощенные буреломомъ, или занятые печально стоявшими голыми стволами обгорѣвшихъ деревьевъ. Тамъ, гдѣ разрушительное дѣйствіе огня пощадило лѣсныя пространства Устьсысольскаго уѣзда, тамъ разстилаются болота и тянутся они во всѣ стороны, какъ разметавшійся полить со своими сочлененіями, и конца краю нѣтъ этимъ болотамъ. Они раздѣляются на два вида: на моховыя и торфяныя; первыя поросли мягкимъ ковромъ ягелей; по поверхности ихъ растутъ клюква и морошка и разбросанъ рѣдкими, далеко отстоящими другъ отъ друга, насажденіями—низкорослый оснякъ, никогда не достигающій до толщины строевого дерева, негодный ни на какія подѣлки, *кривой крупнослойникъ*. Моховыя болота преимуществуютъ противъ торфяныхъ. На ихъ глубокихъ впадинахъ мѣстами стоятъ, словно полная чаши, налитыя наравнѣ съ краями, озера, съ черною на видъ водою отъ цвѣта дна, и съ такою же темною неприглядною рыбою. Торфяныя болота кочковаты, лѣсная растительность на нихъ состоитъ изъ ольхи, рябины и преимущество изъ паршивой обросшей мхомъ ели, по слабости почвы не достигающей значительнаго роста. Между болотистыми низями—протянулись въ видѣ неправильныхъ фигуръ боровыя суходолы, возвышаясь въ большей или меньшей степени по приближеніи ихъ къ рѣкамъ и имѣя по долинамъ ихъ, при незначительной ширинѣ, большую длину. Въ этихъ боровыхъ пластахъ возвышенностей тянутся болѣе длинныя вѣтви отъ Уральскаго хребта, переходя рѣку Печеру и направляясь къ рѣкамъ

Вычегдѣ, Вишерѣ, Сысолѣ и Лузѣ. Всѣ эти возвышенности называются *пармами*; они покрыты исключительно сосновымъ лѣсомъ, а въ Печерскомъ бассейнѣ—лиственницей и изрѣдка кедрами. Ель встрѣчается на пармахъ оазами, занимая въ нихъ незначительныя, по отношенію къ массѣ, пространства. Но гдѣ же пресловутые лѣса сѣвера; гдѣ эти въ глубокую дрему погруженные бора съ гигантскими деревьями, высоко вздымающіе къ небесамъ свои вершины, сквозь раскинувшіяся вѣтви которыхъ едва пробиваются солнечные лучи? гдѣ же они? мы что-то ихъ не видимъ—съ нашего птичьяго полета на всей площади въ 16 милліоновъ десятинъ пространства. И не увидимъ, потому что такихъ лѣсовъ въ сплошномъ насажденіи даже на небольшихъ пространствахъ вовсе не существуетъ по всему Устьсысольскому уѣзду. Да и такихъ лѣсовъ, изъ которыхъ производится выборочная заготовка бревенъ для заграничнаго отпуска, сохранилось чрезвычайно мало, такъ мало, какъ мала по отношенію къ общей площади точка, поставленная на листъ писчей бумаги. Но и эти небольшія пространства годнаго лѣса, какъ и вся лѣсная площадь уѣзда, находятся въ ужасномъ состояніи; все это захламошено дрязгомъ, вершинами деревъ, буреломникомъ, мѣстами въ нѣсколько рядовъ лежащемъ другъ на другѣ, такъ что ходить по здѣшнимъ лѣсамъ возможно только лѣсными тропами, проложенными охотниками, промышляющими бѣлку и рябчика и въ зимнее время на лыжахъ, когда глубокія снѣга покроютъ толстымъ слоємъ лѣсныя заломы. Что же за причина такого безотраднаго состоянія лѣсовъ Устьсысольскаго уѣзда: неужели не имѣютъ они ни охраны, ни контроля за ихъ пользованіемъ. Надзоръ, контроль, охрана, въ лицѣ лѣсныхъ ревизоровъ, лѣсничихъ, кондукторовъ, объѣздчиковъ, лѣсниковъ—все это есть, все это содержится въ порядкѣ, обусловленномъ учрежденіемъ, потому что Устьсысольское лѣсное море есть собственность казны, въ которой крестьянинъ безъ особеннаго разрѣшенія и извѣстной платы не только не можетъ расчищать мѣсть подъ пашни, луга или пастбища, но изъ котораго не имѣетъ онъ права даже вырубить нужное для него бревно, жердь, коль или охапку дровъ. Между тѣмъ это право собственности казны надъ Устьсысольскимъ лѣснымъ моремъ, неоспоримое въ теоріи, въ дѣйствительности есть не болѣе, какъ юридическая фикція; единственными же фактическими владѣльцами этого лѣса являются разрушительныя силы природы: пожары, бури и тлѣніе, такъ какъ только одни они имѣютъ возможность безнаказанно потреблять этотъ лѣсъ и фактически потребили столь хищнически, столь неэкономно, что лѣса въ смыслѣ строительнаго матеріала нѣтъ теперь въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, а существуютъ только лѣсныя пространства.

Главнѣйшій истребитель лѣса на сѣверовостокѣ Россіи вообще—*огонь*, беспощадные лѣсные пожары; а главная причина этихъ пожаровъ—самовольныя лѣсныя подсѣки, безъ которыхъ деревенскій житель здѣшнихъ мѣсть существовать не можетъ.

Исторія сельско-хозяйственной культуры установила понятіе, что у всѣхъ жителей сѣвера и преимущественно у народа Финскаго племени

сохранилось обыкновеніе выжигать лѣсныя пространства для посѣва хлѣбныхъ растений. Первые колонизаторы, населяющіе здѣшнія страны, обусловили свое осѣдлое положеніе, въ подготовкѣ мѣстъ для посѣва, несомнѣнно, огнемъ, а не топоромъ, т. е. выжигали подсѣки, а не расчищали поля подъ пашню. Обиліе лѣсовъ, въ первые времена даже стѣснявшее здѣшнихъ поселенцевъ, равно и недостатокъ рабочихъ рукъ, естественно побудили жителей обратиться къ этому легкому способу, который безъ большаго труда и безъ удобренія, даетъ богатые урожаи. Зола, вознаграждая недостатокъ минеральныхъ частей и особенно щелочей въ лѣсномъ черноземѣ и торфяныхъ почвахъ, изобилующихъ органическими остатками, достаточно объясняютъ выгоды такого способа по отношенію къ теоріи земледѣлія, при влажномъ и холодномъ климатѣ сѣвера. Такимъ образомъ подсѣчное хозяйство вошло здѣсь въ привычку съ древнѣйшихъ временъ, а съ другой стороны, на нашемъ сѣверо-востокѣ оно является и какъ кровная, существенная, неизбѣжная необходимость,—по случаю чрезвычайно ограниченнаго количества пахотныхъ полей, находящихся въ пользованіи крестьянскихъ обществъ; раздвинуться пахотями, расширять ихъ—некуда: селенія окружены или моховыми болотами съ холодной почвой, имѣющей способность производить тощіе *саиелы*, или сосновыми борами, растущими по сыпучему песку. Такимъ образомъ, увеличить расчистями полей нельзя, и потому посѣвъ крайне малъ, такъ что при хорошемъ урожаѣ, его недостаточно для продовольствія населенія, что доказывается слѣдующимъ расчетомъ: на 25,988 ревизск. душъ высѣвается по уѣзду ржи на поляхъ всего 7,024 чт. или 63,216 п., что составитъ на каждую ревизскую душу только по 2 $\frac{1}{2}$ п. Яровой посѣвъ вдвое болѣе противъ ржанаго на мѣру. Средній урожай въ уѣздѣ, въ обыкновенные годы, когда поврежденія хлѣбовъ отъ климатическихъ вліяній не происходитъ, всегда бываетъ весьма удовлетворительный: рожь приходитъ сама 8-я, ячмень самъ 6-й *). Расчитывая по этому среднему урожаю, получимъ ржи 55,460 чт., или до 500000 п. и яроваго хлѣба до 75,767 чт., или до 530,000 п., а того и другого хлѣба до 1,030,000 п. Наличное населеніе уѣзда состоитъ изъ 76427 обоого пола душъ. Для прокормленія ихъ, полагая на каждого потребителя по 30 ф. въ мѣсяцъ ржаной муки и столько же яровой, употребляемой на крупу, пиво, квасъ и ячники **), требуется до 1,375,686-ти пуд. да на посѣвъ до 210,000 п. всего 1,585,686 п. Высчитывая изъ нихъ урожай, получимъ недостатокъ отъ полеваго хозяйства на потребность населенія въ 555,686 п. Этотъ недостатокъ восполняется хозяйствомъ подсѣчнымъ. Эти же подсѣки, не въ давнее время, когда было болѣе простору для подсѣчнаго дѣла, давали возможность мѣстнымъ коммерсантамъ сплавлять изъ Устьсысольскаго уѣзда собственно хлѣба отъ 120 т. до 150 т. п. къ Архангельску. Хлѣбъ скупался по Вычегдѣ въ волостяхъ: Керчемской, Устькуломской, Деревянской и Мординской; по Сысолѣ—въ Киберской, Визингской, Вот-

*) Другого яроваго хлѣба здѣсь не сѣютъ; не вызрѣваетъ.

**) Особый видъ пироговъ изъ ячменной муки.

чинской, Межадорской и Благовѣщенской. И до сихъ поръ въ обыкновенные годы по урожаю—эти волости, благодаря огневому хозяйству изобилуютъ излишкомъ хлѣба: въ прошломъ 1888 г. доставлено было здѣшними купцами къ Архангельскому порту собственно Устьсысольской ржи болѣе 40 т. п. не смотря на посредственный урожай.

Лучшими мѣстами для подсѣкъ считаются такія лѣсныя площади, которыя поросли *по зели* *) елью, березнякомъ, осиною, рябиной, изрѣдка вересомъ, съ рѣдкими насаждениями сосны. Боровое высокое мѣсто, съ сплошною сосною, растущею по песчаному грунту, затянутому ковромъ бѣлаго оленьяго моху, не годится для подсѣчной разработки. Въ послѣдніе годы вполнѣ удобныя мѣста для подсѣкъ подобались, а въ не дальнемъ разстояніи отъ селеній даже и посредственныхъ не находится. На извѣстномъ пространствѣ деревья вырубаютъ со всею подростью на чисто, собирая ихъ на подсѣкъ или во валки, или ровняя толстымъ слоемъ по всему вырубленному пространству. Старательные крестьяне на подсѣку еще подтаскиваютъ лѣсу съ стороны, чтобъ по гуще сдѣлать слой, назначаемый для выжиганія. Такъ подготовленную подсѣку оставляютъ на годъ и на два для просушки сваленаго лѣса. Затѣмъ, около половины іюня, выбравши сухой и тихій день, подсѣку зажигаютъ. Огонь сразу обхватываетъ всю срубленную площадку, быстро распространяется по высохшему валежнику, и теперь главная забота хозяина подсѣки состоитъ въ томъ, чтобъ не пропустить пламя за черту подсѣки; но это не всегда удается, особенно при малолюдствѣ; огонь гдѣ нибудь прорвется—и пошла писать губернія. А пропустить огонь за черту подсѣки очень легко. Всѣ лѣса здѣсь засорены валежникомъ, буреломомъ, хворостомъ, вершинникомъ, сучьями, хорошо просохнувшими, такъ что въ жаркое сухое время достаточно одной спички, чтобъ превратить цѣлыя тысячи десятинъ въ пустыню, не то что цѣлаго пекла огня вдругъ вспыхнувшей подсѣки. Въ глубинѣ лѣса, далеко отъ блюстителей казенныхъ интересовъ, сожигатели подсѣкъ старательно слѣдятъ за огнемъ, всѣми силами отбивая его отъ цѣлины; но если подсѣка раздѣлана недалеко отъ селенія, а особенно отъ такого, гдѣ резиденція лѣсника или объѣздчика и крестьянинъ не сошелся съ нимъ, то пустивши огонь по подсѣкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и дымъ къ небесамъ, онъ бѣжитъ отъ выжигаемаго мѣста во всѣ лопатки, оставляя огонь на произволь судьбы, изъ опасенія, что по дыму захватятъ его стражники на мѣстѣ преступленія, и тогда мужику бѣда: затаскаютъ его въ конецъ по судьбищамъ и разорятъ до тла. Огонь же безъ охраны дѣлаетъ свое дѣло: планомѣрною рѣкою течетъ онъ по направленію вѣтра, пожирая всякую растительность по пути своего потока.

Посѣвы на подсѣкахъ, если къ году, да подсѣка старательно выжжена и на пригодномъ мѣстѣ, даютъ громадныя урожаи. Бывали примѣры, что съ трехъ посѣянныхъ пудовъ ржи снимали 150. Но такіе урожаи бывали въ прежніе годы, когда было много мѣстъ, прекрасно соответствующихъ

*) *Зель*—брусничникъ, черничникъ, мягкій зеленый мохъ, по густому листопаду.

подсѣчному хозяйству, когда это подсѣчное хозяйство не преслѣдовали,— слѣдовательно, являлась возможность аккуратно воздѣлывать подсѣки. Но и теперь урожай ржи на подсѣкахъ самъ двадцать пять не рѣдкость по Усть-сысольскому уѣзду. Такимъ образомъ, подсѣки—кормилице здѣшняго народа; какъ же ее не жечь, и ее жгутъ—вблизи и вдали отъ селеній, не стѣсясь разстояніями и забираясь даже для этого въ глубину лѣсовъ, за сто и болѣе верстъ отъ жилья. На отдаленныхъ подсѣкахъ на скорую руку рубятъ овинъ, около него складываютъ сжатый хлѣбъ въ скирды, тутъ-же его обмолачиваютъ и уже зерномъ, зимою, перевозятъ въ свои анбары.

Но не однѣ подсѣки служатъ причиною лѣсныхъ пожаровъ; насчитывается много и другихъ, случайныхъ. Лѣса загораются, на примѣръ, отъ молніи во время лѣтнихъ грозъ, весьма здѣсь частыхъ и сильныхъ, отъ прохожихъ людей, имѣющихъ привычку гдѣ нибудь на волоку разложить огонь, чтобъ погрѣться около него. Рыбаки на пустоплесѣ, коровницы, грибницы—часто разводятъ въ лѣсахъ костры, и отъ этого въ сухое время по лѣсамъ распространяются пожары. Но, конечно, главная истребительница здѣшнихъ лѣсовъ—подсѣка.

Ф. Арсеньевъ.
